

Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Новая стратегия России на Ближнем Востоке: страны и направления

Константин Трубецв

ru.valdaiclub.com
[#valdaiclub](https://twitter.com/valdaiclub)

Февраль 2022

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907318-55-7

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2022

Российская Федерация, 127051, Москва,
улица Цветной бульвар, дом 16/1

Об авторе

Труевцев Константин Михайлович

Кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН

Под редакцией

Наумкина Виталия Вячеславовича,

доктора исторических наук, профессора, академика РАН,
научного руководителя Института востоковедения РАН

Кузнецова Василия Александровича,

кандидата исторических наук,
заведующего Центром арабских и исламских исследований
Института востоковедения РАН; заведующего базовой кафедрой
Института востоковедения РАН на Восточном факультете ГАУГН

Содержание

- 3** **Доминанты российской ближневосточной политики**
 - Обеспечение безопасности и обороны
 - Строительство Большой Евразии
 - Создание внешних условий для технологического скачка России

- 9** **Страновые и субрегиональные приоритеты ближневосточной политики России**
 - Сирия
 - Иран и Персидский залив
 - Саудовская Аравия
 - Израиль
 - Турция
 - Египет
 - Страны Магриба
 - Коллективный Запад на Ближнем Востоке

- 20** **Вместо эпилога**

Нужна ли России новая стратегия на Ближнем Востоке? Первое, что приходит на ум: а зачем? У России вроде бы и так всё неплохо получается, кое в чём даже лучше, чем когда-то у Советского Союза. Разве можно было прежде представить себе, например, столь тесное сотрудничество России с Израилем при сохранении доверительных отношений с Палестиной, союзнических – с Сирией и при развитии взаимодействия с Ираном, который величал СССР не иначе как «малым сатаной»? Или пришло бы в голову кому-нибудь из советских руководителей назвать стратегическим партнёром Саудовскую Аравию, как это сделал недавно вице-премьер российского правительства Александр Новак?

Но жизнь не стоит на месте. Ближний Восток стремительно меняется, и, что не менее важно, меняется его диспозиция в мире. В постоянной динамике и Россия, ситуация вокруг неё, её региональные и глобальные функции.

Основные приоритеты российской внутренней и внешней политики находятся вне Ближневосточного региона. Как при таком интенсивном движении сохранить то, что уже наработано, идти в ногу с новейшими процессами и трендами, не надорвавшись при этом на дальних рубежах? Поиск ответа на этот вопрос – содержание постоянной работы над совершенствованием, уточнением и изменением структурно-функционального рисунка российской стратегии на Ближнем Востоке.

Российская ближневосточная политика определяется в основном тремя главными доминантами – 1) обеспечением безопасности и обороны; 2) строительством Большой Евразии и 3) обеспечением внешних условий для технологического перехода (технологического скачка) России

Доминанты российской ближневосточной политики

Курс России определяется в основном тремя доминантами: **во-первых**, обеспечением безопасности и надёжности обороны; **во-вторых**, строительством Большой Евразии; **в-третьих**, созданием внешних условий для технологического перехода (технологического скачка) России.

Обеспечение безопасности и обороны

Вхождение российских военных в Сирию в 2015 году, обозначившее существенный сдвиг во всей российской политике, обосновывалось прежде всего необходимостью сокрушить терроризм на дальних рубежах, в месте, превращённом в мощный террористический анклав не только регионального, но и глобального значения. Сейчас проблема стратегически решена, террористическая активность на территории Сирии и Ирака стала точечной, а в перспективе – вообще стремится к нулю, и военное присутствие России уже не так необходимо по этой причине.

Российское присутствие обрело выраженный военно-политический характер. Цель заключается в решении трёх задач: 1) обеспечение устойчивого примирения между Дамаском и курдами (а также рядом этнических, субэтнических и племенных сил, номинально находящихся под их контролем); 2) обеспечение ухода сил США с сирийской территории; 3) ликвидация зон турецкой оккупации на территории Сирии. Всё это призвано обеспечить окончательное разрешение сирийского конфликта, а с точки зрения обороны и безопасности России означает гарантию от его распространения за пределы сирийской территории.

Говоря о терроризме, коснёмся лишь тех организаций, которые находятся под эгидой или в прямой связи с «Аль-Каидой»¹ или ИГИЛ². В Сирии и Ираке борьба с такими структурами вступила в завершающую стадию, а в целом в регионе они остались только в Йемене, да и там носят в основном инструментальный характер.

Основные очаги распространения *системного* терроризма уходят с Ближнего Востока в другие регионы. Их два – Афганистан и район Африки к югу от Сахары, располагающийся по линии от Сенегала до Сомали, который можно назвать линией исламско-африканского разлома.

Афганистан ныне управляется движением «Талибан»³. Оно обозначается в международно-правовых документах как террористическое, однако, придя к власти, талибы заявили, что не стремятся к экспансии за пределы Афганистана, и пока придерживаются этой линии. Тем не менее в стране присутствуют группировки ИГИЛ, которые нацелены на экспансионистские действия. То есть опасность, исходящая с территории Афганистана, не иллюзорна, хотя может быть эффективно купирована

¹ Запрещено в России.

² Запрещено в России.

³ «Талибан» – организация находится под санкциями ООН за террористическую деятельность.

совместными усилиями стран – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в координации с Ираном. Последний уже достаточно эффективно препятствует инфильтрации террористов из Афганистана на территорию Ближнего Востока.

Второй регион – Африка южнее Сахары – гораздо обширнее и потенциально более опасен, чем Афганистан, в первую очередь из-за отсутствия надёжных границ между странами. Однако для России это достаточно далёкий регион, не несущий непосредственной угрозы её безопасности.

Это не значит, что Россия не должна участвовать там в борьбе с терроризмом. Она может проводить точечные операции или оказывать военно-техническую помощь, как та, что имеет место в ЦАР и Мали. Один из главных акцентов может быть сделан на сотрудничестве с сопредельными и другими арабскими странами, например с Египтом и Алжиром, а также с арабскими государствами Персидского залива.

Таким образом, есть основания полагать, что проблема терроризма становится менее острой на Ближнем Востоке и уже не представляет столь серьёзной угрозы для безопасности России. Но стоит помнить, что, хотя системный терроризм, каким он был в «Аль-Каиде» и «Исламском государстве», действительно сходит с политической арены, большое количество неприкаянных исламистских бойцов порождает соблазн использовать эту силу в качестве политического инструмента, своего рода «исламистского спецназа». Сценарий неоднократно опробован Турцией в Сирии, затем в Ливии и, наконец, в ходе последней карабахской войны 2020 года. События в Казахстане в январе 2022 года показали, что этот инструмент может использоваться даже в таком месте, которое, казалось бы, совсем непригодно для совершения «исламской революции». Сегодня, до окончательного расследования казахстанских событий, преждевременно делать выводы, кто конкретно попытался задействовать исламистский террористический фактор. Но его применение различными внешними и внутренними силами представляет одну из актуальных угроз.

В отличие от мельчающего терроризма, угроза конфликтов – межстрановых, субрегиональных и региональных – сохраняется и возрастает. Причём наибольшая потенциальная опасность исходит не столько от существующих вызовов, сколько от возможных новых. Парадокс Ближнего Востока в том, что основные горячие конфликты (за исключением ливийского)

Парадокс Ближнего Востока в том, что основные горячие конфликты (за исключением ливийского) затухают, а сфера конфликтогенности расширяется, захватывая прежде всего пограничные с регионом зоны, такие как Восточное Средиземноморье, Южный Кавказ и Сахель

Тема терроризма имеет явную тенденцию к уходу с Ближнего Востока, уже не представляя здесь основной угрозы для обороны и безопасности России, а вовлечённость в действия в сопредельных регионах должна быть минимальной

затухают, но вот сфера конфликтогенности расширяется, захватывая прежде всего пограничные с регионом зоны – Восточное Средиземноморье, Южный Кавказ и Сахель. Сохраняется напряжённость в районе Персидского залива и по линии Израиль – Иран.

Большинство столкновений в этих регионах, кроме южнокавказского, не представляют прямой угрозы безопасности России. Тем не менее российские миротворческие усилия должны быть направлены на предотвращение новых или купирование обострения старых конфликтов, а также многочисленных и разносторонних их последствий, несущих риски непосредственно для нашей страны.

Так, российское военное присутствие в Сирии зримо снижает конфликтогенность в Восточном Средиземноморье. Но дело не только в этом. Российские базы – ВМФ в Тартусе и ВКС в Хмеймиме – единственная передняя линия обороны РФ за пределами страны. Используя необходимые системы вооружений, они перекрывают вход в черноморские проливы, становясь важнейшим фактором недопущения эскалации в Черноморском бассейне. Это всё более актуально в контексте обострения отношений между США и НАТО с одной стороны и Россией с другой. В свете чего значение передней роли обороны России в Сирии значительно возрастает.

Строительство Большой Евразии

Тема Большой Евразии либо занимает маргинальную нишу в политической публицистике, будучи заслонённой более горячими темами глобального противостояния, либо трактуется слишком узко, например в связи с китайским проектом «Пояс и путь», в силу чего сводится лишь к российско-китайскому сотрудничеству с участием некоторых менее крупных стран, в основном центральноазиатских.

Между тем строительство Большой Евразии становится одним из ведущих процессов современной фазы глобализации, если не самым главным. Связано это с двумя объективными факторами: **во-первых**, с динамикой развития производственных кластеров в Восточной и Южной Азии и их потребностью в экспорте продукции – от высокотехнологичной до предметов массового потребления; **во-вторых**, с революцией в области наземных коммуникаций, прежде всего – с развитием сети железных и автомобильных дорог.

Поток грузов из Южной и Восточной Азии в Европу с каждым годом неуклонно возрастает. Львиную долю занимают морские перевозки. Однако их не хватает для того, чтобы полностью справиться с растущим объёмом товаров. Кроме того, длительность железнодорожных и автомобильных перевозок по сравнению с морскими вдвое меньше уже сегодня, а с учётом

быстро идущей модернизации время доставки в самом ближайшем будущем сократится ещё в два-три раза.

Большинство перевозок осуществляется через территорию России. Но при чём тут Ближний Восток? А вот при чём. Если перевозки из Восточной Азии его напрямую не затрагивают, то с Южной Азией дело обстоит иначе. Центральное место занимает коридор Север – Юг, который соединяет российский берег Балтийского моря с иранским портом Бендер-Аббас на побережье Индийского океана. Дальше – короткий морской маршрут до индийского порта Мумбаи, пакистанского Карачи, портов Бангладеш, Шри-Ланки и стран АСЕАН. Сейчас путь от юга Ирана до пригородов Санкт-Петербурга занимает менее двадцати дней, плюс от двух до пяти дней до различных портов Южной Азии. Иран как держава Ближнего Востока и Персидского залива играет в этом проекте одну из ключевых ролей. Развитие железнодорожной и автомобильной инфраструктуры даёт синергетический эффект, заключающийся в комплексном развитии современных производств на территории Ирана. Сотрудничество Ирана с Россией, а также с Индией является важнейшим фактором.

Интерес к проекту проявляют арабские страны Залива: в нём в качестве наблюдателя уже участвует Оман, не исключено подключение Катара, ОАЭ и Кувейта – в качестве как инвесторов, так и участников перевозок, ряда инфраструктурных и других проектов. Внимательно наблюдает за происходящим Ирак.

Всё это происходит на фоне широкого развития в регионе инфраструктурных, прежде всего железнодорожных проектов, многие из которых (например, строительство железной дороги от западного к восточному побережью Саудовской Аравии или проект железной дороги Тегеран – Багдад – Дамаск – Латакия) уже начали или в самое ближайшее время начнут воплощаться в жизнь. В краткосрочной перспективе можно ожидать появления разветвлённой транспортной сети, которая, в дополнение к уже имеющейся высокоразвитой автомобильной, преобразует логистическое пространство региона. Само собой разумеется, что она соединится с быстро развивающейся трансконтинентальной сетью.

В интересах России попытаться сделать так, чтобы процесс сопрягался с трансконтинентальными путями – через Россию, под её контролем или с участием. Иначе есть риск появления логистических цепочек в обход России. Пока он не очень велик, поскольку большинство путей в обход пролегает через зоны политической нестабильности. Однако стратегически важно закрепить на этих

Развитие железнодорожной и автомобильной инфраструктуры даёт синергетический эффект, заключающийся в комплексном развитии современных производств на территории Ирана

Израиль и ОАЭ смогут сыграть немаловажную роль диверсификации каналов сотрудничества России в направлении технологического прорыва

направлениях, в том числе в зоне Персидского залива и Арабского Машрика в целом.

Создание внешних условий для технологического скачка России

В последние годы руководство России активно занимается созданием внешних условий для технологического скачка России на американском, европейском, восточно- и южноазиатском направлениях. Это и защита от внешних угроз, и широкое научно-техническое и технологическое сотрудничество.

Просматриваются перспективы для взаимодействия и с некоторыми странами Ближнего Востока – особенно в области цифровой экономики, создания искусственного интеллекта и применения его элементов в различных сферах экономики, управления и социальных услуг, а также в сферах фармацевтики и репродуктивной медицины или производства принципиально новых технологических продуктов. Такое сотрудничество, довольно интенсивное и разноректорное, уже налажено с Израилем и ОАЭ.

Интерес для России может представлять тот факт, что в последнее время, после так называемых «Соглашений Авраама», позволивших установить дипломатические отношения между Израилем и ОАЭ, происходит становление двусторонней научно-технологической оси. Как показывают исследования учёных Института востоковедения РАН⁴, у России есть возможность к ней присоединиться, тем более что в самое ближайшее время эта ось может стать драйвером научно-технологического развития всего региона. К ней будут тяготеть другие монархии Персидского залива, в том числе и Саудовская Аравия, несмотря на серьёзные препятствия для открытого сотрудничества с Израилем.

Разумеется, страны Ближнего Востока вряд ли сыграют главную роль в обеспечении технологического рывка России. Но, наряду с сотрудничеством со странами Европы (Германией, Австрией, Францией, Италией) и с технологическими пионерами в Азии (КНР, Южной Кореей, Сингапуром), наиболее продвинутые в технологическом отношении Израиль и ОАЭ, а также финансовые возможности арабских стран Персидского залива, взаимодействие с ними в рамках формата ОПЕК+ могут быть полезными России при достижении поставленных целей. Кстати, ОПЕК+ и наладившееся в его рамках очень тесное взаимодействие с Саудовской Аравией по координации действий на нефтяных рынках имеет для российской экономики принципиальное значение, в том числе и в плане аккумулирования средств для технологического прорыва.

⁴ Бабенкова С.Ю., Марьясис Д.А. Палестина и Израиль: цифровая экономика как платформа для будущего эффективного взаимодействия. М.: ИВ РАН, 2021. 286 с.

Страновые и субрегиональные приоритеты ближневосточной политики России

Перечисленные выше ориентиры российской ближневосточной политики позволяют определить основные страновые и субрегиональные приоритеты. Это Сирия (оборона), Иран (трансконтинентальная стратегия), страны Персидского залива в целом (перспективы многостороннего сотрудничества), Израиль и ОАЭ (научно-технологическое сотрудничество). Означает ли это, что такие важнейшие региональные державы, как Турция и Египет, выпадают из приоритетов? Разумеется, нет. Однако отношения с ними будут развиваться в увязке с обозначенными ориентирами.

Сирия

Место Сирии в оборонной политике России обозначено достаточно чётко. Но проблема послевоенного восстановления Сирии вряд ли может быть решена силами одной России. Здесь многое будет зависеть не только от сотрудничества с Ираном и Китаем, участие которых по ряду причин имеет свои ограничения, но и от взаимодействия с монархиями Персидского залива, в первую очередь с ОАЭ, к которым затем могут подтянуться Бахрейн, Кувейт, Оман и Саудовская Аравия.

Иран и Персидский залив

После исчерпания конфликта в Сирии Персидский залив становится своего рода солнечным сплетением Ближнего Востока. Здесь сосредоточена основная ресурсная база региона, представляющая ценность как на глобальном, так и на евразийском (причём преимущественно в направлении востока и юга Евразии) треках. Но сюда же переместилась и одна из наиболее опасных зон конфликтогенности.

Одно из важнейших направлений российской ближневосточной политики – всеобъемлющее решение проблемы безопасности в Персидском заливе. Российские предложения о создании системы коллективной безопасности в этом субрегионе, ещё недавно казавшиеся многим утопичными, сегодня обрели актуальность и воспринимаются положительно значительной частью региональных и глобальных игроков.

Основные страновые и субрегиональные приоритеты: это Сирия (оборона), Иран (трансконтинентальная стратегия), страны Персидского залива в целом (перспективы многостороннего сотрудничества), Израиль и ОАЭ (научно-технологическое сотрудничество)

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ОЧАГИ НАПРЯЖЕННОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ

Террористические организации и конфликты

Терроризм

Конфликты

Опасность

— Линия исламско-африканского разлома

■ Сахель

Основные страновые и субрегиональные приоритеты Российской Федерации

Оборона

Научно-технологическое сотрудничество

Трансконтинентальная стратегия

Исключительные отношения

Сотрудничество

Осторожность

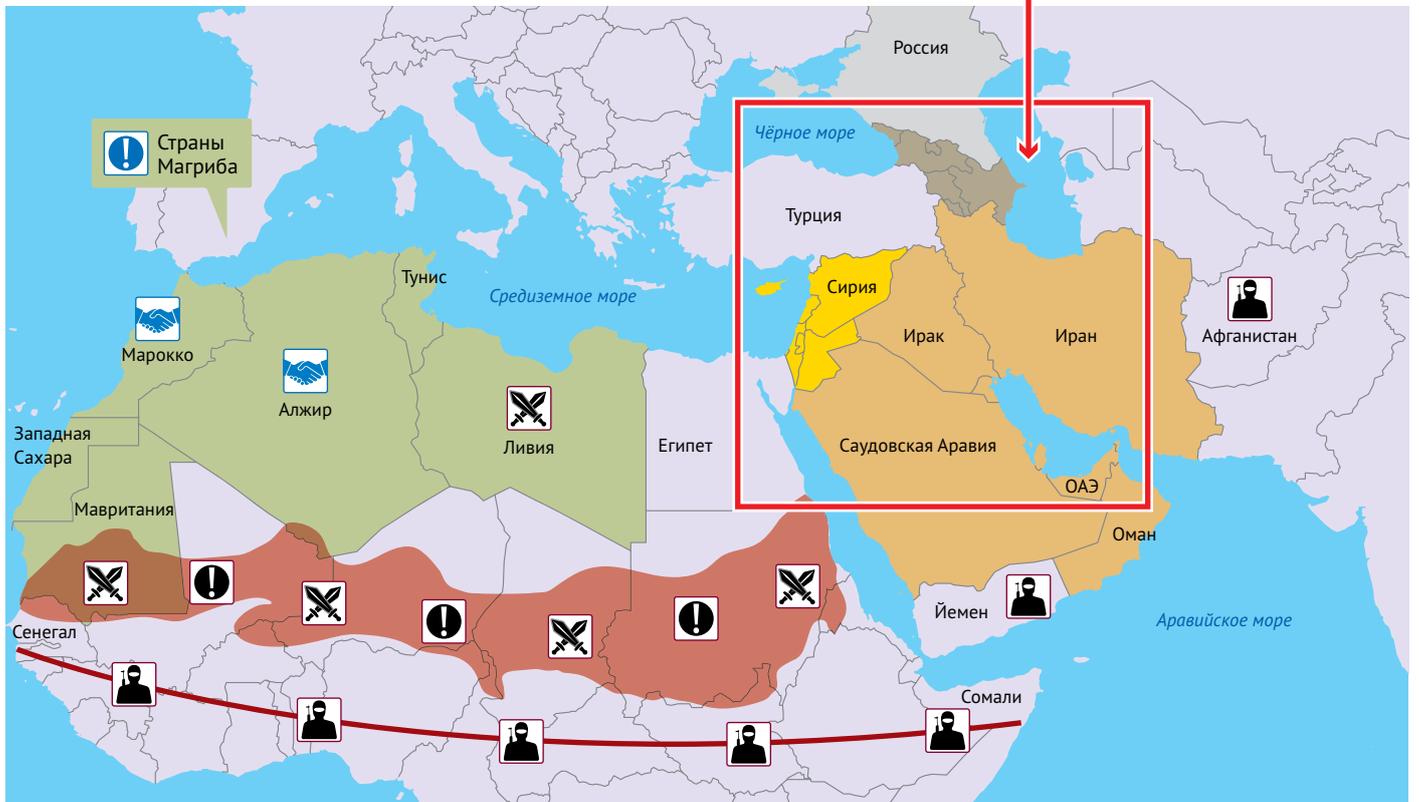
Недопущение эскалации в Черноморском бассейне

База ВКС Хмеймим

База ВМФ Тартус

Это наглядно продемонстрировала организованная в декабре 2021 года Институтом востоковедения РАН при поддержке Министерства иностранных дел РФ международная экспертная встреча по вопросам безопасности в Персидском заливе. В ней приняли участие представители практически всех стран субрегиона (за исключением Катара и Омана), а также большинства других ближневосточных государств – Сирии, Ливана, Турции и Египта, а из глобальных игроков – представители ЕС, США, Индии и Китая. Многие государства, в том числе Индия, были представлены на этом форуме впервые.

Встреча показала готовность разработать общий экспертный документ, который – при его принятии на политическом уровне – мог бы стать основой для превращения района Персидского залива в зону международной безопасности, а в перспективе – многообещающего международного сотрудничества.

Какие факторы говорят о том, что итоги этой встречи – не просто экспертные ожидания?

Первый. Близкое к исчерпанию состояние самого крупного и потенциально опасного в регионе конфликта – ирано-саудовского. На фоне возвращения к международной сделке по поводу ядерного проекта Ирана, а также вследствие разрешения большинства болезненных вопросов между Ираном и Саудовской Аравией запущен – впервые за много лет – процесс прямых переговоров между представителями двух стран в Багдаде. Они пока не привели к восстановлению двусторонних отношений, но сам факт даёт надежду на разрядку. Остаётся ещё много подводных камней, например бахрейнский вопрос, но они не столь значимы по сравнению с общим ирано-саудовским урегулированием.

Второй. Снижение напряжённости между Саудовской Аравией и Катаром. Далеко не все противоречия устранены, но, по крайней мере, политические отношения восстановлены.

Третий. Установление ровных, а в большинстве случаев дружественных и доверительных отношений России почти со всеми странами региона. Прежде всего это касается трёх ключевых стран – Ирана, Саудовской Аравии и ОАЭ. С Ираном, как показывают, в частности, итоги недавнего визита в РФ президента Ибрахима Раиси, по ряду направлений установлены отношения стратегического партнёрства. То же касается и ОАЭ.

Одно из важных направлений сегодняшней российской ближневосточной политики – всеобъемлющее решение проблемы безопасности в Персидском заливе

Саудовская Аравия

Отношения с Саудовской Аравией до последнего времени развивались непросто. Однако развитие сотрудничества по линии ОПЕК+ приобрело с 2020 года настолько устойчивый характер, что его с полным основанием характеризуют в России как стратегическое партнёрство. Глубокое взаимодействие в других сферах экономической и политической жизни – задача, на которую направлены усилия России, и это вызывает положительный отклик у саудовских партнёров. Возможное сотрудничество с Россией при решении амбициозных структурно-экономических задач, решаемых в настоящее время саудовским руководством, – важнейший аспект развития двусторонних отношений.

Одна из деликатных, но чрезвычайно важных для королевства проблем – завершение конфликта в Йемене, являющегося обузой для Саудовской Аравии и препятствующего осуществлению важнейших экономических реформ. Содействовать выходу Эр-Рияда из йеменского конфликта без потери лица может российская дипломатия.

Учитывая все эти обстоятельства, Россия может сыграть важную роль в создании зоны международной безопасности в Персидском заливе. Это не значит взять на себя роль посредника в разрешении местных конфликтов. Однако Россия могла бы выступить в качестве одного из участников будущей коллективной системы региональной безопасности. И есть основания утверждать, что региональные игроки отреагируют положительно. Помимо России, на такую роль могли бы претендовать Китай и Индия. Если схема начнёт складываться, вряд ли США и другие страны Запада станут искать предлоги, чтобы отказаться от присоединения к ней.

Приведённый сценарий может показаться слишком оптимистичным, но в качестве ориентира для политики России в субрегионе он вполне подходит. Поскольку Персидский залив выступает главным драйвером политического развития стран всего ближневосточного региона, создание коллективной системы безопасности положительно повлияет на экономическую и политическую ситуацию в Сирии, Ливане и Иордании.

Израиль

Одно из приоритетных направлений для России на Ближнем Востоке – развитие отношений с Израилем. Это болезненно воспринимается многими арабскими и – шире – исламскими партнёрами России, не готовыми к осознанию того, что взаимопонимание с Израилем Москве необходимо.

Восстановление отношений с Израилем, как ни парадоксально, способствовало и расширению взаимодействия со странами арабского мира. Те государства (например, Египет и Иордания), которые сами наладили отношения с Израилем, теперь не могут упрекать в этом Россию и идут на контакт. Эффект сбалансированности российской политики лишь оттеняется установлением связей Израиля с рядом государств Персидского залива.

Российско-израильское взаимодействие вызвало положительный эффект внутри обеих стран, и это вполне объяснимо. К тому, что видные представители израильской элиты – Давид Бен-Гурион, Голда Меир, Авигдор Либерман, Натан Щаранский – выросли в России/СССР, нужно прибавить фактор «русской улицы», ведь 20 процентов населения имеют российские/советские корни. Сохраняются прочные отношения между переселенцами в Израиль и их родственниками и друзьями в России и других государствах СНГ. Крепки культурные и исторические связи. Такие важные для общей политической ментальности темы, как Великая Отечественная война и холокост, служат основой для сближения народов. Всё это создаёт органичные предпосылки для сотрудничества во всех сферах, в том числе ИТ, цифровой экономики, ИИ и других, которые будут определять экономику XXI века, тем более что Израиль в этих областях – одна из самых передовых стран не только региона, но и всего мира.

Конечно, отношения далеко не безоблачны. Израиль, как известно, наиболее близкий союзник США в регионе. Их взаимодействие нельзя рассматривать как одностороннюю зависимость, учитывая роль еврейского лобби в США и возможности Израиля воздействовать на американскую политику. И хотя тесные союзнические отношения Израиля с США определяют многое в израильской политике, в том числе и рамки отношений с Россией, на российском треке Израиль всё же имеет определённую свободу рук.

Российско-израильские противоречия в основном связаны с тремя географическими точками: Палестина, Голанские высоты и Иран.

В палестинском вопросе есть три момента, из-за которых позиции России и Израиля кардинально расходятся, и условий для сближения в обозримой перспективе не просматривается. Это создание палестинского государства, его столица в Восточном Иерусалиме и еврейские поселения на палестинских территориях. Для разрешения всех трёх спорных моментов имеются достаточно ясные международно-правовые основания, и Россия их неукоснительно придерживается, в отличие от Израиля и Соединённых Штатов, прибегающих, по мнению российской стороны, к различным манипуляциям, которые препятствуют улаживанию этих проблем. Что касается второго и третьего моментов, то они не столь неразрешимы, будь на то добрая воля Израиля, которая была им однажды продемонстрирована на примере ликвидации палестинских поселений в секторе Газа.

Однако любое правительство Израиля, создаваемое на основе широких партийных коалиций, оказывается заложником тех политических сил, которые категорически против решения проблем на основе компромисса с палестинцами. Это касается и создания палестинского государства, чему препятствует безнадёжный пока политический раскол среди самих палестинцев, в результате которого одной частью палестинских территорий – Западным берегом реки Иордан – управляет коалиция во главе с организацией ФАТХ, а другой – сектором Газа – враждебная ей исламистская организация ХАМАС, признанная террористической в Израиле, США и ряде западных стран.

Объявленная бывшим президентом США Дональдом Трампом «сделка века», в результате которой американцы признали Иерусалим безоговорочной столицей Израиля и приняли решение перенести туда своё посольство, значительно усугубила положение палестинцев. Последние восприняли как предательство и решение ряда арабских стран Персидского залива установить дипломатические отношения с Израилем. В результате ситуация на палестинских территориях остаётся крайне нестабильной, и даже небольшие предпосылки к обострению палестино-израильских отношений приводят к резким вспышкам волнений на Западном берегу реки Иордан, сопровождаемых, как правило, ракетными обстрелами Израиля со стороны сектора Газа.

Россия является единственной из глобальных держав, сотрудничество с которой приемлемо для обеих сторон. Администрация Джозефа Байдена подаёт сигналы о возможности более гибкой позиции в палестинском вопросе по сравнению с предшествующей, но ощутимого влияния на палестино-израильскую ситуацию это не оказывает.

С Голанскими высотами ситуация схожая – в том смысле, что Россия не признаёт аннексии этой сирийской территории Израилем, но это ничего не меняет, поскольку усилия сирийского правительства и его российских союзников сконцентрированы на других, более насущных вопросах. При переключении внимания на решение проблемы территориальной целостности Сирии вопрос о Голанских высотах снова встанет на повестку дня.

Отношение России к ирано-израильскому противостоянию на территории Сирии можно кратко охарактеризовать словами «это не наша война». Поэтому и угрозы Ирана в сторону Израиля, и израильские удары по иранским и проиранским силам на территории Сирии в тех случаях, когда еврейское государство рассматривает их как реальную угрозу, проходят мимо внимания России. Максимум, что Москва предпринимает, – попытки развести враждующие стороны. Иногда удаётся, как было во время освобождения

сирийской армией юго-западных провинций – тогда иранский Корпус стражей исламской революции (КСИР) и ливанскую «Хизбаллу» уговорили воздержаться от участия в операции, а Израиль – от авиа- и ракетных ударов. В целом происходящее беспокоит Россию, учитывая опасность израильских рейдов для сирийских и российских объектов. Конечно, есть российско-израильская договорённость по предотвращению инцидентов, но конкретные угрозы не всегда удаётся предотвратить.

Турция

Турция также является одной из наиболее приоритетных стран в региональной политике России, но отношения с ней выбиваются из общей логики приоритетов на Ближнем Востоке. С точки зрения трансконтинентальных коммуникационных потоков, будь то горизонтальных (с востока на запад) или вертикальных (с юга на север), Турция не просто плохо вписывается в стратегические интересы России, но является территорией, через которую эти потоки идут или могут идти в обход России. Россия способна это регулировать лишь частично и с большими трудностями.

Турция – крупнейший торгово-экономический партнёр РФ в регионе. Цифры торгового оборота с ней (около 30 миллиардов долларов в 2021 году) на порядок превышают аналогичные показатели с Египтом, ОАЭ, Израилем и Ираном и практически в два раза – с Саудовской Аравией, не говоря о других. В плане газовых поставок и транзита («Голубой поток», «Турецкий поток») Турцию можно по праву назвать стратегическим партнёром России. А вот сотрудничество в научно-технологическом направлении, в отличие, например, от Израиля и ОАЭ, пока отсутствует.

Политические отношения носят амбивалентный характер: мы стояли на грани войны в конце 2015 года, а уже два года спустя вернулись к полноценному сотрудничеству в рамках астанинского процесса. Однако и в этом формате далеко не всё было безоблачно. Если отношения между Россией и Ираном в Сирии в поддержку правительства в Дамаске носили союзнический характер, Турция находилась по другую сторону баррикад, поддерживая отношения с радикальными, в том числе исламистскими антиасадовскими силами, а то и с откровенными террористами. Привести за общий стол переговоров столь противоречивого партнёра, а вместе с ним и целый шлейф радикальной оппозиции было непросто.

Тем не менее результат астанинского процесса оказался впечатляющим. В его рамках созданы четыре зоны

Амбивалентность российско-турецких отношений отнюдь не ограничивается сирийской темой

деэскалации, из которых три уже в 2018 году полностью зачищены от террористов и других радикалов. В результате была полностью ликвидирована угроза четырём основным городам Сирии – Дамаску, Алеппо, Хомсу и Хаме, а три четверти сирийской территории оказались под контролем правительства. Всё это было бы невозможно без сотрудничества с Турцией, которая выступала в качестве одного из гарантов мирной транспортировки не желавших примирения радикалов с семьями из трёх зон эскалации в провинцию Идлиб либо в зоны турецкой оккупации на территории Сирии.

Единственным кровотокающим пятном на территории Сирии остаётся четвёртая зона эскалации в провинции Идлиб, где протурецкие силы соседствуют (отнюдь не мирно) с системными террористами из остатков «Аль-Каиды». Сотрудничество с Турцией в Сирии по-прежнему продолжается, но, если бы не турецкая поддержка террористического анклава, он был бы давно зачищен сирийской армией при российской (и иранской) поддержке. Противоречащую международному праву турецкую оккупацию территорий на севере Сирии можно объяснить лишь попыткой аннексии, которую сами турки называют «поддержкой оппозиционных сил». Для решения этого вопроса потребуется вся гибкость российской дипломатии, подкрепляемая военно-политической поддержкой.

На сирийском треке российско-турецкие отношения похожи на клубок противоречий. Но они не ограничиваются исключительно сирийской темой. «Туранский» вектор турецкой политики, ставка на «Братьев-мусульман»⁵ в арабском мире и в других частях мира, непризнание принадлежности Крыма России, ставка на реваншистскую часть крымских татар, двусмысленная позиция относительно российско-украинских противоречий, возрождение исторической вражды с армянами и греками и тому подобное – всё это не может не вызывать беспокойства в российских общественно-политических кругах, особенно когда речь идёт о политических эпизодах, которые можно рассматривать как конфронтационные в отношении России.

В то же время исламистский характер правящей Партии справедливости и развития в целом расценивается не как радикальный, а как достаточно умеренный, в том числе в общем контексте (исключая отдельные эксцессы) внешней политики. Османский и пантюркистский векторы в какой-то мере объясняются отталкиванием от европейской линии политики Ататюрка, поскольку двери ЕС закрыты для Турции. Это не значит, что здесь нет реальной опасности для России и её союзников по ОДКБ, особенно в том, что касается линии на создание союза тюркских государств. Последнее, в частности,

⁵ Запрещено в России.

привело к прямому участию Турции в карабахской войне 2020 года на стороне Азербайджана. С помощью миротворческой деятельности и политической модели урегулирования России удалось нивелировать одностороннее продвижение Турции на этом направлении.

Как удар по пантюркистским проектам Турции восприняли в турецком экспертном сообществе миссию ОДКБ в Казахстане в 2022 году. Турецкий след в казахстанских событиях пока никто не доказал, но использование в них исламистских ландскнехтов является явным заимствованием из методики, применяемой Турцией в Сирии, Ливии и Нагорном Карабахе.

Конечно, не всё в политической линии Турции является однозначно негативным для России. Ряд турецких шагов объективно направлен на эрозию южного фланга НАТО. Речь идёт, например, о закупке Турцией установок С-400. Действия Турции в Восточном Средиземноморье – от Ливии до Греции и Кипра – также подтачивают североатлантическое единство в этом регионе.

Египет

Отношения России с Египтом не являются приоритетом ближневосточной политики Российской Федерации. Египет – крупнейшая арабская и ближневосточная страна, население которой более чем вдвое превышает население ближайших к ней арабских государств. Это развитая индустриально-аграрная страна с высокой культурой и значительным слоем научной интеллигенции.

В январе 2021 года вступил в силу Договор о всестороннем партнёрстве и стратегическом сотрудничестве, подписанный президентами России и Египта. Он включает широкий спектр взаимодействия, в том числе в плане модернизации египетской экономики, создания российской промышленной зоны в экономической зоне Суэцкого канала, трансфера технологий, строительства первой египетской атомной электростанции «Эль-Дабаа», военно-технических объектов. Согласно Договору, российско-египетские отношения обретают региональное значение, а в перспективе также и panaфриканскую направленность.

Ряд турецких шагов объективно направлен на эрозию южного фланга НАТО. Речь идет, например, о закупке Турцией установок С-400. Но не только это. Действия Турции в Восточном Средиземноморье – от Ливии до Греции и Кипра – также подтачивают североатлантическое единство в этом регионе

Российско-египетское сотрудничество приобретает стратегический характер, имеющий региональное значение, а в перспективе также и panaфриканскую направленность

Всего этого, кажется, достаточно, чтобы считать египетское направление приоритетным для российской ближневосточной политики. Но существует ряд ограничителей.

Первый – финансовая зависимость Египта от США, Саудовской Аравии и ОАЭ. И если с последними двумя договориться о трёхстороннем и многостороннем формате сотрудничества возможно, то в случае с Соединёнными Штатами нереально. Египет является вторым по объёму реципиентом американской финансовой помощи на Ближнем Востоке, и это серьёзно ограничивает его самостоятельность в принятии решений. И, разумеется, существует большой риск срыва сделок между Россией и Египтом из-за американских санкций.

Второй – научно-технологическая отсталость Египта по сравнению с Израилем и ОАЭ, в результате чего сотрудничество в области высоких технологий, цифровизации, ИИ рискует превратиться в улицу с односторонним движением, что в нынешних условиях для России неприемлемо.

Страны Магриба

Отношения со странами Магриба существенно ограничены ливийским конфликтом, из-за которого они оказались оторваны от остального арабского мира. Для России это также является серьёзным препятствием, поскольку отсутствие прямой коммуникации умножает политические и экономические риски и мешает концентрации усилий на приоритетных направлениях. Это не значит, что надо избегать точечного сотрудничества, например, с Алжиром и Марокко, но действовать нужно предельно осторожно, учитывая наличие конфликта между этими двумя странами.

Коллективный Запад на Ближнем Востоке

При всех несомненных успехах и перспективах дальнейшего продвижения России на Ближнем Востоке заявления о вытеснении Запада из региона представляются наивными, как и сообщения об уходе оттуда США.

Что, пожалуй, действительно уходит в прошлое – это выражение «коллективный Запад» применительно к Ближнему Востоку. Попытки использования НАТО в качестве инструмента Запада в регионе по большому счёту провалились, попытки замены его суррогатами в виде больших коалиций во главе с Вашингтоном также не очень удачны в Ираке и особенно в Сирии. Нынешняя ситуация не располагает к использованию чего-то подобного.

Поэтому стоит говорить о политике Соединённых Штатов и отдельно – о политической линии западноевропейцев (причём ведущих стран – Германии, Франции, Италии, Великобритании), но не о ЕС в целом, поскольку общей линии Евросоюза в отношении региона так и не выработано.

Общий политический вес Ближнего Востока в политике США снижается по двум основным причинам – из-за относительной утраты интереса к ближневосточным углеводородам и переноса основных геополитических приоритетов в другие регионы, прежде всего в Тихоокеанский регион и Европу. Отсюда и стремление сократить военно-политическое присутствие на Ближнем Востоке – оно обременительно по геополитическим и финансовым соображениям. Но подчеркнём – речь идёт, **во-первых**, об относительном снижении интереса, а **во-вторых**, о точечном уходе из мест, где американское присутствие становится бесперспективным (в подобных случаях оно уже минимально и останется лишь в виде инструкторов и лиц, координирующих военно-политическое сотрудничество с Ираком) или рискованным (это применимо конкретно к Ираку и Сирии, где американские военные стратеги боятся оказаться в геополитической ловушке и потому предлагают постепенный уход без потери лица).

Такой расклад создаёт дополнительные возможности для российской политики в Сирии. В Ираке условий для замещения американского влияния в настоящий момент нет, зато есть риск затягивания России в совершенно ненужную ей американо-иранскую конфронтацию.

Что касается остальных частей региона, никакого «ухода» США отсюда не намечается. Американские базы остаются в Катаре и других странах Залива. Стратегическое сотрудничество с Израилем не прекратится. Ниша для сотрудничества России со странами Персидского залива, Израилем и Египтом, как уже подчёркивалось, расширяется, но РФ не сможет потеснить на этом треке американцев, учитывая их финансовые, экономические и научно-технологические возможности.

Если говорить о Западной Европе, то здесь часть экономического истеблишмента (Германии и Италии) и даже военного (Франции) проявляет интерес к возможным общим проектам и координации с Россией политики на Ближнем Востоке, но общее нарастание конфронтационности России с Западом препятствует любым попыткам их осуществить.

Попытки использования НАТО в качестве коллективного инструмента Запада в регионе по большому счёту провалились, попытки замены его суррогатами в виде больших коалиций во главе с США также оказались не очень удачными в Ираке и особенно в Сирии, и нынешняя ситуация не располагает к использованию чего-то подобного снова

Вместо эпилога

Международная политика вступила в качественно новый этап. Исчезновение гомогенного мирового порядка, в котором действовали более или менее единые правила; разнонаправленные процессы в мировой экономике, которые обещают другое её устройство в перспективе ближайших десятилетий; одновременное, но не вполне одинаковое по содержанию обострение отношений России и Китая с Западом; общее нарастание соперничества великих держав по всем направлениям; пересмотр Соединёнными Штатами своих приоритетов с отказом от тех, значимость которых снижается, но наращиванием усилий в отношении остающихся; рост числа игроков, действия которых так или иначе влияют на глобальную ситуацию, и, напротив, снижение веса тех, кто ещё недавно претендовал на ведущую роль, – эти и другие процессы создают иную рамку для всех игроков и региональных систем отношений.

На протяжении всей истории человечества Ближний Восток оставался в центре событий, оказываясь то ведущим субъектом политики, то важнейшим объектом стороннего воздействия, то определяющим фактором для баланса сил в других частях мира. Нет сомнений, что ключевая для международных отношений роль региона сохранится и впредь. Как очевидно и то, что она сильно изменится по сравнению с тем, к чему все привыкли в XX веке или в первые десятилетия XXI века.

Россия входит в наступающий этап, будучи ведущим и весьма востребованным игроком на Ближнем Востоке, пожалуй, на сегодняшний день самым влиятельным из внешних сил, что открывает перед ней значительные дополнительные возможности – не только в регионе, но и на большой международной арене. Однако это чревато и появлением новых обременений для российской стратегии, если Москве не удастся выдержать нынешнюю линию на активное, конструктивное, но в целом равноудалённое, гибкое и, не побоимся этого слова, творческое вовлечение в распутывание клубка региональных проблем. Поскольку нити от этого клубка тянутся во все стороны и во многом определяют состояние безопасности и уровень стабильности на всех сопредельных территориях, отстраниться не получится.

К счастью, опыт последнего десятилетия придаёт уверенности в том, что российское руководство, политики, дипломаты, военные, разведывательные службы накопили огромный опыт, способны делать правильные выводы и принимать верные решения в самых многогранных ситуациях, которыми богат Ближний Восток.

 RuValdaitweets
 valdaiclub
 valdaiclub
 valdaiclubcom
 Международный
дискуссионный
клуб «Валдай»
admin@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ